

*М. А. Российский,
кандидат исторических наук,
советник Первого Европейского департамента МИД России*

ДНЕВНИКИ В. П. КРАВКОВА ЗА 1914–1917 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. К 100-летию со дня начала Первой мировой войны готовится издание ранее малоизвестного и труднодоступного памятника из фондов РГБ — дневников военного врача Русской императорской армии, действительного статского советника В.П. Кравкова (1859–1920). Автор дневника начал войну в должности корпусного врача XXV армейского корпуса, в сентябре 1914 — декабре 1915 г. занимал должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии, в январе-марте 1916 г. был корпусным врачом XLIV и XXXVII армейских корпусов, с марта 1916 по июль 1917 г. служил корпусным врачом 7-го Сибирского армейского корпуса. Записки В.П. Кравкова интересны не только оценками событий военной жизни, но также и анализом внутривойсковых процессов в России, оценками военных и политических деятелей эпохи, с рядом которых автору довелось общаться лично.

Ключевые слова: военно-медицинская служба, Русская императорская армия, русская Польша, Гродно, Рига, Февральская революция.

М. А. Rossiysky

VASILY P. KRAVKOV'S WAR DIARIES OF 1914–1917 AS A SOURCE OF HISTORIC INFORMATION

Summary: On the occasion of the centenary of World War I *Veche* Publishers (Moscow) publishes for the first time the diary of the Russian Imperial Army Sanitary Service high-ranking official, the actual state councilor Vasily P. Kravkov (1859–1920). Till recent days this text conserved as a manuscript in the funds of the Russian State Library was scarcely known and not easily accessible. The author of the war diaries began participating in World War I in August 1914 as a 25th Army Corps doctor (4th Army, Southwestern front); in September 1914 — December 1915 he occupied a position of chief assistant of the 10th Army Sanitary Department (Northwestern, later Western front); in early 1916 he was appointed 37th Army Corps doctor (12th Army, Northern front); in March 1916 — July 1917 he was a 7th Siberian Army Corps doctor (12th Army, Northern front; later 7th Army, Southwestern front). Vasily P. Kravkov's notes are not just of interest due to the assessments of the military life, but also due to the analysis

of the internal political process in Russia and the appraisal of the military and political figures of the age some of whom the author happened to know personally. While reading the diaries the full impression about particular qualities of the views on life of Kravkov's contemporaries is being made up.

Keywords: Russian Imperial Army, sanitary service, Russian Poland, Grodno. Riga, February Revolution of 1917.

Во 2-м квартале 2014 г. издательство «Вече» планирует опубликовать ранее малоизвестный и до последнего времени труднодоступный литературный памятник. Речь идет о дневнике, который с 8 (21) августа 1914 по 3 (16) августа 1917 г. вел участник Первой мировой войны, высокопоставленный военный врач Русской императорской армии действительный статский советник Василий Павлович Кравков¹.

Сегодня, накануне 100-летия Первой мировой войны, на повестке дня все еще стоит вопрос о выработке многоплановой картины этого сложнейшего исторического феномена, во многом заслоненного в нашем общественном сознании более поздними по времени событиями бурного XX в. Поэтому в данном контексте особую ценность приобретают живые голоса современников, свидетелей и непосредственных участников событий вековой давности, сохраненные во фронтовых дневниках и мемуарных записках, особенно еще не изданных и малоизвестных, но обладающих несомненной источниковедческой ценностью.

В. П. Кравков был высокообразованным и разносторонним человеком. В его записках отражены не только события военной жизни, которым он сам был свидетелем. Его интересовали происходившие в России политические процессы, он анализировал тенденции общественной жизни, о которых узнавал из попадавших на фронт газет. При чтении записок складывается довольно полное впечатление об особенностях взгляда на мир человека его поколения.

В. П. Кравков родился 20 февраля (3 марта) 1859 г. в семье старшего писаря Управления Рязанского губернского воинского начальника. Его младшими братьями были выдающийся русский ученый академик Николай Павлович Кравков (1865–1924), основоположник советской школы фармакологии, первый лауреат Ленинской премии (1926,

¹ В декабре 2013 г. был опубликован фрагмент дневника В. П. Кравкова за октябрь–ноябрь 1914 г. См.: *Российский М. А. Первая мировая война глазами доктора Кравкова // Международная жизнь. История без купюр: от прошлого к настоящему : специальный выпуск. 2013. С. 89–137.*

посмертно), а также один из пионеров отечественного почвоведения профессор Сергей Павлович Кравков (1873–1938).

В 1883 г. В. П. Кравков окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге и начал действительную службу по Военному ведомству с должности младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка. В 1891 г. старший врач 11-го гренадерского Фанагорийского полка коллежский асессор Кравков успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины.

В 1904–1905 гг. дивизионный врач 35-й пехотной дивизии XVII армейского корпуса статский советник Кравков принимал участие в Русско-японской войне. Во время Ляоянского сражения (1904 г.) в течение нескольких дней ему довелось работать под огнем противника. За эту кампанию В. П. Кравков был награжден мечами к имевшемуся у него ордену Св. Анны 2-й ст., а позднее — орденами Св. Владимира 4-й и 3-й ст. с мечами. По окончании войны в 1906 г. он был произведен в действительный статские советники — гражданский чин 4-го класса, соответствовавший армейскому генерал-майору.

Русско-японская война стала этапным событием в жизни В. П. Кравкова. Во время пребывания в Маньчжурии у него выработалась привычка вести дневник, в котором он суммировал ежедневные впечатления, подвергая их критическому осмыслению. В начале 1910-х гг. В. П. Кравков занимался литературной обработкой своих дневниковых записей, намереваясь впоследствии их издать, однако этим планам не суждено было осуществиться. До настоящего времени из его записок времен Русско-японской войны был опубликован лишь значительный фрагмент, повествующий о Ляоянском сражении, который появился в 1991 г. на страницах альманаха «Время и судьбы» благодаря усилиям В. Ф. Молчанова². Основной же массив дневников В. П. Кравкова периода Русско-японской войны еще ждет своих исследователей и публикаторов.

Кампанию 1914 г. Василий Павлович начал в должности корпусного врача XXV армейского корпуса. В составе 4-й армии Юго-Западного фронта он участвовал в сражениях Галицийской битвы, обеспечивал эвакуацию раненых в ходе сражения у Замостья в августе-сентябре 1914 г., затем вместе с частями корпуса вошел в австрийскую Галицию.

² Свет милосердия. Дневник участника Русско-японской войны (1904–1905) дивизионного врача В. П. Кравкова // Время и судьбы. «Военные мемуары». М., 1991. Вып. 1. С. 259–286.

Обстановку в штабе XXV армейского корпуса В. П. Кравков рисует преимущественно через призму своих не очень приятных отношений с командиром корпуса генералом от инфантерии Д. П. Зуевым и начальником штаба генерал-майором Л. В. Федяем. Им хорошо передано замешательство штабных чинов в первые дни военных действий, атмосфера подозрительности и шпиономании (не всегда, впрочем, обосновательных), недостаточное внимание корпусного начальства к вопросам санитарного обеспечения и снабжения войск, сумятица и неразбериха поспешного отступления частей корпуса от Замостья на Красностав, а затем и на Избицу. Горький опыт неудачной для русского оружия войны в Манчжурии заставил автора дневника быстро пасть духом, увидев в действиях корпуса знакомые по прошлой кампании признаки военного поражения. Видимо, воспоминаниями о пережитом на Русско-японской войне вызвано то крайнее недоверие, с которым В. П. Кравков относился к известиям об успехах русских войск в Восточной Пруссии и на львовском направлении. Однако возвращение взятого было австрийцами Красностава, а затем Замостья и уверенное продвижение частей корпуса к русско-австрийской границе подействовало на него воодушевляюще.

2 (15) сентября 1914 г. В. П. Кравков, следуя со штабными чинами в обозе корпуса, пересек государственную границу Австро-Венгрии у деревни Мощаницы. «Сердце замирает от сознания, что австрийцы из нашей земли изгнаны и мы ступаем на их землю», — записал он вечером того же дня. Страницы дневника точно отражают обстановку, в которой проходило вступление русских войск в Галицию: толпы австрийских пленных, масса брошенного отступавшим противником имущества, проблемы с продовольствием и ночлегом в бедных польских деревушках. Большое впечатление произвело на автора пребывание в Сеняве, роскошном и богатом памятниками духовной и материальной культуры имении князей Чарторыйских.

Фоном для событий конца 1914 — начала 1915 г., описанных в дневнике В. П. Кравкова, стала Лодзинская операция, проводившаяся войсками 1-й, 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Н. В. Рузского. 10-я армия генерала от инфантерии Ф. В. Сиверса прикрывала тыл операции со стороны Восточной Пруссии. Перед ней была поставлена задача овладеть районом Мазурских озер.

Фронтальное наступление в лесисто-болотистой местности Восточной Пруссии развивалось тяжело. Его условия усугубились еще тем, что к концу первой недели ноября 1914 г. установилась морозная

погода, русские же войска оказались без теплой одежды. Итогом продвижения частей 10-й армии по германской территории стал выход на линию Мазурских озер, овладеть же этим районом так и не удалось. В середине ноября события на Висле потребовали переброски резервов армии к Варшаве.

Лодзинская операция завершилась с неопределенным исходом. С одной стороны, удалось предотвратить осуществление плана германского командования по окружению 2-й и 5-й русских армий. С другой стороны, планировавшееся наступление русских войск вглубь Германии также было сорвано. По окончании операции лишились своих постов командующие 1-й и 2-й армий генералы от кавалерии П. К. фон Ренненкампф и С. М. Шейдеман.

Дневниковые записи В. П. Кравкова отразили циркулировавшие в среде генералитета и офицерства слухи, обвинявшие П. К. фон Ренненкампфа в преступном бездействии в дни катастрофы 2-й армии А. В. Самсонова в августе 1914 г. Негативное отношение автора к личности командующего 1-й армии во многом подогревалось его постоянным собеседником генерал-майором Г. Д. Яновым, начальником этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии, которому за время службы в штабе П. К. фон Ренненкампфа удалось накопить немало компромата на своего бывшего шефа.

В ноябре 1914 г. штаб армии вслед за наступающими войсками переместился на территорию Восточной Пруссии и расположился в городке Маргграбова (ныне Олецко в Польше). 7 (20) ноября в дневнике В. П. Кравкова появились первые впечатления от пребывания в Германии: «Боже мой, какая потрясающая картина всеобщего разрушения; в селениях ни одной живой души; здания все исковерканы, как после землетрясения. Около часу дня прибыл в Маргграбово, бывшее, очевидно, до войны весьма благоустроенным местечком, а теперь... теперь представляющ[ее] все ту же надрывающую душу картину опустошения и разгрома; выбиты зеркальные стекла в магазинах, всё в них переворочено, разбито, перековеркано; по улицам разбросаны зонты, манекены, шляпы, платки, битые бутылки, лампы, вазы, изорванные книги, ноты, картины, всякая утварь. Здания с пробитыми крышами и зияющими без рам и стекол окнами; водопроводные, электрическ[ие] осветительные и обогревательные сооружения в домах все приведены в негодность злобно-мстительной рукой удалившегося врага; жизнь, когда-то бившая ключом, здесь совершенно замерла; и как-то странно видеть, что среди всеобщего разрушения часы на костеле продолжают ходить и бить».

В Маргграбове В. П. Кравкову довелось задержаться надолго. Частые поездки по военно-санитарным учреждениям, расположенным в городках Восточной Пруссии, оставили на страницах его дневника много интересных заметок о жизни этого региона в период пребывания в нем русских войск.

Вскоре после начала Августовской операции в январе 1915 г. штабу 10-й армии пришлось поспешно эвакуироваться из Маргграбовы. «Отступаем в большом беспорядке, — отмечал Василий Павлович в первых числах февраля, — много утеряно обозов, интендантск[ого] имущества, скота и пр. Не со всеми частями штаб вошел в связь... Положение наших войск в отношении продовольствия — отчаянное».

Вину за беспорядочный характер отступления, повлекшего за собой гибель в окружении 20-го армейского корпуса генерал-лейтенанта П. И. Булгакова, автор дневника возлагал преимущественно на командование 10-й армии — Ф. В. Сиверса и начальника штаба генерал-майора барона А. П. фон Будберга. В этом плане интересно сопоставить дневник В. П. Кравкова с «самооправдательными» мемуарными записками самого А. П. фон Будберга, впоследствии видного деятеля Белого движения и русской эмиграции, в которых он освящал действия штаба 10-й армии в период зимних боев 1915 г. под Августовом в подчеркнуто выгодном для себя ключе³.

С февраля 1915 г. новым пристанищем штаба 10-й армии стал губернский город Гродно. Здесь В. П. Кравкову довелось неоднократно быть застольным собеседником великого князя Андрея Владимировича, приехавшего для выяснения причин отступления 10-й армии. Заслуживают также внимания отзывы автора дневника о новом командующем армией — генерале от инфантерии Е. А. Радкевиче, о начальнике штаба генерал-майоре И. И. Попове, о других чинах штаба и их взаимоотношениях.

В Гродно В. П. Кравков узнал, что его работа в начальный период войны была отмечена орденом Св. Станислава 1-й степени, пожалованным ему высочайшим приказом от 25 января (7 февраля) 1915 г. «Теперь я, значит, генерал настоящий, — с юмором комментировал свое награждение Василий Павлович, — со звездой и лентой через плечо». Вскоре последовало и новое отличие — 3 (16) мая 1915 г. он стал кавалером ордена Св. Анны 1-й степени.

³ Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914—1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01.—08.02.1915. С.-Франциско, [б. г.].

Все лето 1915 г. прошло под знаком начавшегося «великого отступления» русской армии из польских и прибалтийских губерний. В. П. Кравков тяжело переживал неудачи русского оружия, видя его основную причину в несовершенстве государственного устройства империи, бесталанности полководцев, равнодушии военно-бюрократической машины к судьбам простых защитников Родины.

До конца августа 1915 г. санитарный отдел штаба 10-й армии был эвакуирован из Гродно в Вилейку, а осенью был переведен к остальным штабным учреждениям в Минск. Вращение в специфической среде высокопоставленных кадровых военных, не отличавшихся широтой интеллектуальных горизонтов, угнетало В. П. Кравкова. Ежедневно видя перед глазами картины нравственного разложения штабного офицерства и генералитета, он все больше приходил к выводу о необходимости поиска иного места службы, пусть и на более низком уровне, чем штаб армии. Воспользовавшись отпуском на Рождество и новый 1916 год, проведенным, как и прежде, в Петрограде и Москве, Василий Павлович добился своего перемещения на менее престижную, но более соответствовавшую его жизненной позиции должность корпусного врача.

В ходе непродолжительной службы в штабе XLIV армейского корпуса, располагавшегося в селе Ивенец Минского уезда и губернии, В. П. Кравкову довелось познакомиться с генерал-лейтенантом Н. А. Бржозовским, бывшим комендантом крепости Осовец и руководителем ее обороны в минувшем году, а также с будущим советским военачальником и военным историком М. С. Свечниковым, в то время — подполковником, исполнявшим обязанности начальника штаба корпуса. Люди и обстановка в прифронтовом штабе корпуса разительно отличались в лучшую сторону от той, которую Василий Павлович наблюдал в штабе армии. Это позволило ему несколько успокоиться душой.

В конце января 1916 г. В. П. Кравков узнал о своем переводе в 12-ю армию Северного фронта на должность корпусного врача XXXVII армейского корпуса, который формировался в Риге. Столица Прибалтийского края очаровала его. «Вкушаю своеобразные прелести жить в большом культурном центре при отсутствии в нем людского кипения, — писал Василий Павлович 14 (27) февраля 1916 г. — Тишина и покой — нет суеты, нет снующей массы людей, да и солдаты попадают не на каждом шагу, скромно погромыхивают трамваи под аккомпанемент редкой артиллерийской канонады, музыкально как-то звучат бубенчики изящных фурманщиков; здесь люди иной нации,

по привычке ошибочно иногда в обращении их назовешь “пане”. Все-все здесь пропитано немецким духом».

Одной из основных забот В. П. Кравкова в это время была организация противогазовой защиты вверенных его попечению воинских частей. Также пристальное внимание уделялось борьбе с цингой и тифом.

Теплые, дружеские отношения сложились у В. П. Кравкова с корпусным командиром — генерал-лейтенантом Д. А. Долговым, с которым он был знаком еще по службе в XXV армейском корпусе. Человек разносторонних интересов, он разделял и либеральные политические взгляды Василия Павловича. Поэтому, когда в апреле 1916 г. Д. А. Долгов был переведен на должность командира 7-го Сибирского армейского корпуса, также державшего оборону в окрестностях Риги, за ним вскоре последовал и корпусной врач.

В июле 1916 г. военно-санитарные учреждения 7-го Сибирского корпуса успешно справились с массовым потоком раненых, вызванным неудачным наступлением частей 12-й армии на Бауском направлении. Командир корпуса Д. А. Долгов «за боевые отличия» представил В. П. Кравкова к производству в следующий чин — тайного советника, соответствовавший армейскому генерал-лейтенанту. Однако в штабе 12-й армии документу не дали ход, и корпусной врач был награжден лишь мечами к имевшемуся у него ордену Св. Анны 1-й степени. Этого отличия В. П. Кравков был удостоен высочайшим приказом от 1 (14) января 1917 г.

Записки «рижского периода» службы Василия Павловича также интересны его оценками командующего 12-й армии генерала от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриева, начальника штаба армии генерал-лейтенанта В. В. Беляева, сведениями о деятельности общественных организаций, содействовавших работе военно-медицинских учреждений.

В августе 1916 г. 7-й Сибирский корпус был переведен на Юго-Западный фронт и включен в 7-ю армию генерала от инфантерии Д. Г. Щербачева⁴. В. П. Кравков вновь оказался в занятой русскими

⁴ Интересной параллелью дневникам В. П. Кравкова этого периода является финальная часть записок Ф. А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллери-ста», относящаяся к периоду с ноября 1916 по февраль 1917 г. Их автор служил в это время на 5-й батарее 12-й Сибирской стрелково-артиллерийской бригады в составе 7-го Сибирского армейского корпуса. Примечательно, что В. П. Кравков в записях от 25 марта и 11 мая 1917 г. упоминает и самого Ф. А. Степуна, запомнившегося ему выступлениями на революционных митингах.

войсками австрийской Галиции. После элегантной Риги местом его пребывания стало захолустное местечко Завалов (ныне село в Подгаецком районе Тернопольской области Украины). Здесь в октябре 1916 г. ему довелось пережить неудачную попытку наступления войск 7-й армии, стоившую поста командиру корпуса Д. А. Долгову. По дневниковым записям этого времени видно, как все отчетливее проявлялись грозные симптомы разложения армии, а политическая обстановка в России, за которой на фронте следили по газетам, становилась день ото дня все напряженнее.

В декабре 1916 г. В. П. Кравков отправился в очередной отпуск домой. Накануне его отъезда вся русская пресса писала лишь об одном — о загадочном убийстве фаворита царской семьи Г. Е. Распутина. Василий Павлович искренне возмущался: «Смерть какого-то проходимца Распутина заслонила, по-видимому, все события фронта и тыла; и это — в момент великой трагедии, решающей судьбы русского народа! До какого падения дошла страна, доведенная бухарской системой управления!»

31 января 1916 г. (12 января 1917 г.) В. П. Кравков записал в свой дневник: «Последний день проклятого года. Прочитал на досуге литературу по истории французской революции. Как много похожего на переживаемый теперь кавардак во внутренней политической жизни России!»

В первые дни нового 1917 г. Василий Павлович посетил Петроград. Визит по служебным делам в Главное военно-санитарное управление произвел на него тягостное впечатление: «Карьерный пафос, протекционистское засилье без разбора средств достижения идут во всю ширь российского бесстыдства... Великие князья, великие княгини... наибольшие военные магнаты бесцеремонно расправляются ставленничеством на жирные и пухленькие местечки чуть ли не своих денщиков и камердинеров. Главный инспектор беспрекословно творит волю господ положения... Творятся подлости безо всякого оттенка благородства...» Общественные настроения в столице империи также оставляли желать лучшего: «По адресу “темных сил” и творящегося озорства в “сферах” все настроены возбужденно и озлобленно, можно сказать — революционно. Жаждают с нетерпением все дворцового переворота... с удовольствием это все смакуют». «Кошмарное ожидание имеющего совершиться чего-то катастрофического», — подытожил он свои впечатления от внутреннего положения в уставшей от войны стране.

Несмотря на то что во время отпуска В. П. Кравков констатировал назревание революционной ситуации в России, Февральская революция 1917 г. стала для него полной неожиданностью. Человек либеральных взглядов, симпатизировавший партии кадетов, поначалу он воспринял ее восторженно. 12 (25) марта 1917 г. он писал: «Переживаю медовые дни нового мирозидания — российского возрождения! Теперь мы, россияне, на к[ото]рых наши культурные союзники вправе были смотреть брезгливо, делаемся равными среди них. Уж не будет теперь наш экс-бухарский режим находиться в кричащем противоречии с возвышенными освободительными началами, из к[ото]рых сложилась для союзников наших идеология текущей войны! Союзники наши уже не будут теперь в компании с “дурным обществом”... Самодержавие проклятое, как ни на какую из живых сил не опиравшееся, довело себя до логического конца: навеки сгнуло в атмосфере смрадных газов!»

Однако картины прогрессирующего разложения армии и падения воинской дисциплины уже в конце апреля заставили Василия Павловича разочароваться в «обновленной России». Не помогло и запоздалое производство в чин тайного советника, о котором он был извещен телеграммой из Петрограда 11 (24) мая 1917 г. Словно по иронии судьбы, как раз в это время обращение «господин тайный советник», введенное вместо старорежимного «ваше превосходительство», уже активно вытеснялось новыми — «гражданин» и «товарищ»...

Заслуживают внимания запечатленные не страницах дневника взгляды В. П. Кравкова и окружающего его офицерства на политические процессы в стране, на их влияние на боеспособность армии. Весьма характерны для рассматриваемой эпохи и той социальной среды, к которой принадлежал Василий Павлович, критические оценки деятельности левых партий, и в частности — большевиков, появляющиеся в дневнике с апрельских дней 1917 г.⁵

⁵ Критические стрелы В. П. Кравкова по адресу партии большевиков и ее руководителей затруднили доступ исследователей к его дневнику в советское время, когда он хранился в фондах отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: на обложках трех рукописных тетрадей за апрель — август 1917 г. (НИОР РГБ, Ф. 140, к. 7, ед. 13–15) имеется датированная 20 октября 1955 г. карандашная надпись: «Выдается по разрешению зав. отделом».

В июне 1917 г. Н. Н. Бурденко, только что оставивший пост и. д. главного военно-санитарного инспектора, предлагал кандидатуру В. П. Кравкова для замещения вакантной должности московского окружного военно-санитарного инспектора, однако это назначение так и не состоялось. Василий Павлович с грустью констатировал: «До революции существовал царский и бюрократический протекционизм и nepoтизм, теперь загулял во всю ширь протекционизм и nepoтизм “революционный”!»

Провал плохо подготовленного Временным правительством июньского наступления 1917 г., вызвавший отход полностью разложившихся соединений русской армии из последних остававшихся под ее контролем районов Австро-Венгрии, поверг В. П. Кравкова в еще большее уныние. «Русь теперь в параличе, из всех способностей сохранилась у нее еще единственная способность неистощимого словоговорения, обусловленного неизлечимой болезнью зуда языка, и во власти разгула стихий, слившихся из фанатизма, невежества, авантюризма, провокации и предательства!..» — писал он в начале июля 1917 г. Разгулявшаяся солдатская вольница невольно заставляла его задаваться вопросом: «Было ли в истории человеческих революций что-нибудь подобное нашей революции, чтобы свобода превращалась в безумный разврат, и воины “революционной” армии теряли чувство чести, совести и любви к родине?!»

7 (20) июля 1917 года В. П. Кравков был уволен из армии приказом начальника санитарного управления Юго-Западного фронта. Как ему удалось выяснить, за ним стояли интриги Совета санитаров Упсанюоз, подозревавшего заслуженного военного врача в «недостаточном углублении демократических начал» в работе. По этому поводу Василий Павлович пророчески писал: «Я так рад, что окончательно уезжаю с этого кровавого поля битв славной “революционной” всероссийской армии, оскверненного небывалой еще в истории человечества какой-то отвратительной мешаниной людского идиотизма с классическо-русским срамом, позором и бесчестьем. Еду теперь уже на третью кампанию — на гражданскую войну, ч[то]б[ы] умирать вместе с своей семьей».

С фронта В. П. Кравков отправился домой в Москву. Об окружавшей его действительности он с грустью писал: «Бюрократическая самодержавная сволочь прежнего режима сменилась самодержавной хамократической сволочью нового режима». Новые политические тенденции в жизни страны вызывали у него мрачные предчувствия.

«Чувствуется, что мы, взрослые люди, попали в плен к озорникам-гимназистам!.. — писал он в июле 1917 г. — Были раньше царские холуи, теперь — не оберешься холуев презренной черни, явочным порядком захватывающих себе вкусные жареные кусочки и теплые местечки... Одно утешение, что все эти проходимцы будут иметь продолжительность жизни мыльных пузырей».

3 (16) августа 1917 г. В. П. Кравков вернулся в Москву и прекратил ведение своего дневника. За три года войны из-под его пера вышел оригинальный исторический источник, полный ценных свидетельств очевидца важных исторических событий. Записки Василия Павловича содержат уникальные сведения «из первых рук» об обстановке в штабах русских армий и в войсках, повествуют о его встречах с великими князьями и видными военачальниками русской армии. Его талант ученого-медика, с присущими ему наблюдательностью, скрупулезной методичностью и аналитическим подходом к окружающей действительности, таким образом, сослужил хорошую службу также и отечественной исторической науке.

В первые годы советской власти В. П. Кравков принимал участие в организации военно-санитарных органов РСФСР. В октябре 1918 г. под его руководством была создана амбулатория управления делами Реввоенсовета Республики. Он возглавлял ее до осени 1919 г., в дальнейшем продолжал сотрудничество с советскими военно-санитарными учреждениями.

Жизнь В. П. Кравкова оборвалась трагически. В июле 1920 г. он был арестован органами ВЧК по обвинению в злоупотреблениях при оформлении освобождений от призыва в РККА. 13 июля 1920 г. Василий Павлович был осужден Президиумом ВЧК и приговорен к высшей мере наказания. Скорее всего, он был расстрелян в тот же день.

Чуть более чем за год до своей гибели, в мае 1919 г., В. П. Кравков передал московскому Румянцевскому музею рукописи своих военных дневников за годы Русско-японской и Первой мировой войн. Ныне они хранятся в фондах Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки и до последнего времени были доступны лишь узкому кругу специалистов.

Военные дневники В. П. Кравкова — уникальный комплекс исторических документов, отличающихся ярким и образным языком. В них раскрываются картины жизни русской армии в ходе двух войн начала XX в., оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие российского общества. Подмеченные автором дневников сцены

прифронтовой жизни подвергаются осмыслению хорошо информированным, думающим человеком с широкими интересами, обширным научным и общекультурным кругозором. Оценки видных деятелей и знаковых событий своего времени, даваемые В. П. Кравковым, заслуживают внимания отечественных историков, которые в канун 100-летнего юбилея Первой мировой войны получают в свое распоряжение ранее малоизвестный и труднодоступный исторический источник.

Как представляется, научная ценность военных дневников В. П. Кравкова заключается прежде всего в богатой информации о социально-психологической стороне Русско-японской и Первой мировой войн, о восприятии этих событий различными сегментами русского общества как на фронте, так и в тылу, в том числе — с оглядкой на происходившие в стране общественно-политические процессы. В этом контексте понятен интерес современных исследователей к наследию В. П. Кравкова. Показательным, на наш взгляд, является факт использования опубликованных на тот момент фрагментов его дневника периода Русско-японской войны в работах основоположника военно-исторической антропологии и психологии Е. С. Сенявской⁶. С публикацией записок В. П. Кравкова за 1914–1917 гг. существенно расширяется источниковая база для работы специалистов, занимающихся вопросами психологии участников вооруженных конфликтов.

Очевидно, что комплексное изучение дневников В. П. Кравкова принесет немало нового и в историографию собственно Первой мировой войны. Нельзя не согласиться с современным исследователем И. В. Образцовым, справедливо отметившим, что «история Первой мировой войны в отечественной и зарубежной литературе в основном представлена работами, анализирующими военно-политическую, оперативно-тактическую и социально-экономическую составляющие конфликта. Социологическая и социально-психологическая стороны проблемы оставались, как правило, вне поля зрения исследователей. А ведь сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась ни в лагере победителей, ни в стане побежденных, лежит именно в области анализа ее “живой силы” — психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте

⁶ См., в частности, *Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999.*

и гражданского населения в тылу»⁷. Военные дневники В. П. Кравкова дают богатый материал для анализа именно этих аспектов военного конфликта, пропущенного через призму личного восприятия автора.

Таким образом, в настоящее время имеются все основания полагать, что дневники В. П. Кравкова, первым шагом к изучению которых станет их публикация в издательстве «Вече», окажутся востребованными как российским и зарубежным научным сообществом, так и всеми, кто интересуется отечественной историей.

⁷ *Образцов И. В.* «Неизвестный анализ Первой мировой» // Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский ; М. : Кучково поле, 2001. С. 417.